

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ANTHONY
BOUCHER

THE CASE
OF THE SEVEN
OF CALVARY

ЭНТОНИ
БАУЧЕР

СЕМЕРО
С ГОЛГОФЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б29

Серия «Классический детектив»

Anthony Boucher

THE CASE OF THE SEVEN OF CALVARY

Перевод с английского *Н. Анастасьева*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения
Curtis Brown Ltd. и Synopsis Literary Agency.

Баучер, Энтони.

Б29 Семеро с Голгофы : [роман] / Энтони Баучер ; [перевод с английского Н. Анастасьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 288 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-172664-5

Жестокое преступление нарушает тихую и спокойную жизнь студенческого городка в Калифорнии. Кто-то хладнокровно убил всемирно известного швейцарского профессора ножом для колки льда и оставил рядом с телом записку с единственным символом: 7. Пока полицейское расследование медленно, но верно заходит в тупик, молодой аспирант Мартин Лэм решает сам разобраться в случившемся и обращается за помощью к профессору Эшвину, своему преподавателю санскрита. И самопровозглашенным сыщикам придется поспешить, ведь таинственный убийца не намерен останавливаться на одной жертве.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-172664-5

© Anthony Boucher, 1937
© Перевод. Н. Анастасьев, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

Посвящается доктору Эшвину

Персонажи, учреждения и события, описанные в этом романе, являются полностью вымышленными и не имеют никакого отношения к подлинным лицам и положениям — за одним исключением. Этим исключением является доктор Эшвин, который точно списан с реального лица, а имя, которое он носит в книге, представляет собой сделанный им самим перевод на санскрит.

Энтони Баучер

Причастные лица

1. Научные сотрудники Калифорнийского университета

А. Обитатели Международного дома

- * Мартин Лэм, специалист в области германистики¹
- * Алекс Брюс, специалист в области химии
- * Курт Росс, швейцарец
- Павел Борицын, белогвардеец
- Ричард Уортинг, канадец
- Ремиджио Моралес, боливиец
- * Мона, его сестра
- * Гвадалупе (Лупе) Санчес, мексиканка

Б. Другие ученые

- * Синтия Вуд, невеста Брюса
- Мэри Робертс
- Чак Уизерс

2. Профессура Калифорнийского университета

- * Джон Эшвин, доктор наук, профессор санскрита
- * Пол Леннокс, кандидат наук, преподаватель истории

¹ Читателя, усматривающего в детективном романе загадку и вызов себе, следует предупредить, что сосредоточиться ему следует исключительно на персонажах, чьи имена отмечены звездочкой; остальные — всего лишь масовка. — *Примеч. авт.*

* И в а н Л е ш и н, кандидат наук, профессор славистики,
работающий по обмену

* Т а т ь я н а (Т а н я), его жена

* Д ж о з е ф Г р и с у о л д, доктор наук, профессор испанистики

Л о р е н с Д р е к с е л ь, режиссер Малого театра

3. Другие

* С е р ж а н т К а т т и н г, сотрудник полиции Беркли
Д э в и с, полицейский

У о р р е н Б л е й к л и, директор Международного дома

М о р р и с, гостеприимный филолог

Д о к т о р Э в а н с, врач Мемориальной больницы

В р а ч - п р а к т и к а н т

П о ж и л о й с л у ж а щ и й в «Золотом» («Театральные аксесуары»)

* Х ь ю г о Ш е д е л ь, доктор наук, дядя Курта Росса и неофициальный посол Швейцарской Республики

Пролог

Отменный салат из крабов и две бутылки пива сделали меня, должен признаться, более красноречивым, нежели я бываю обычно. Я занял ту шаткую позицию, когда, исключительно ради желания поспорить, утверждаешь нечто прямо противоположное тому, что думаешь.

— Ватсон, — рассуждал я, — это отработанный материал. Да, у истоков детективного жанра он играл важнейшую роль. Без его содействия неподготовленный читатель никогда бы не уловил сути работы сыщика. Отсюда — потребность в безымянном друге Дюпена и самом Ватсоне. Но сегодня любитель приключенческих романов наподобие, скажем, Беттереджа¹, — настолько охвачен детективной лихорадкой, что ему, как бы это тебе получше объяснить, Мартин, больше не нужен «простачок», подвизающийся переводчиком при главном герое.

Мартин Лэм отвлекся от созерцания рыбацких лодок, покачивающихся за окном, и ребятишек-японцев, готовых в любую минуту свалиться с пристани.

¹ Герой романа У. Коллинза «Лунный камень».

— Логично, — согласился он. — И тем не менее писатели все еще изображают их.

— Разве? — усомнился я. — Роджеру Шерингэму, Реджи Форчуну, лорду Питеру Уимзи¹ — этим молодым умникам вроде не особенно нужны свои Ватсоны. У Фило Вэнса Ван Дайн — всего лишь бессловесная марионетка, повествователь-фантом, недаром продюсеры фильмов даже не называют его имени на экране. Разве можно представить себе фильм, снятый по любому из рассказов о Шерлоке Холмсе, где не было бы Ватсона? А у доктора Торндайка² столько таких Ватсонов, что это все равно что ни одного нет. Доктор Фелл³, этот несравненный пьяница и сквернослов...

— Видишь ли, какая штука, Тони, — перебил меня Мартин, — боюсь, что касается Ватсона, я несколько необъективен. Мне самому пришлось побывать в этой роли, и, льщу себя надеждой, сыграл я ее совсем недурно.

— И когда же это было? — недоверчиво спросил я, почти не сомневаясь, что сейчас мне начнут более или менее туманно морочить голову.

Мартин взял карандаш и принялся что-то чертить на обороте меню.

— Когда, спрашиваешь? Ты был в Беркли, когда убили доктора Шеделя?

Шедель... Имя было знакомо. В памяти замескали обрывки какой-то запутанной и так и не раскрытой истории.

¹ Герои детективных романов Э. Беркли, Г. К. Бейли и Д. Сэйерс.

² Герой детективных романов Э. Фримена.

³ Герой романов Д. Д. Карра.

— Кажется, что-то связанное с Швейцарией? — вымолвил наконец я. — И с ледорубом?

— Швейцария и ледоруб... — Мартин улыбнулся. — Да, поначалу казалось, что к этому сочетанию сводится едва ли не вся проблема. А полиции Беркли и до сих пор так представляется... Тебе о Семерых с Голгофы никогда не приходилось слышать? — вдруг оборвал он себя на полуслове, протягивая мне меню.

Некоторое время я молча разглядывал странный рисунок. Нечто вроде прописной буквы F поверх трех прямоугольников. Я покачал головой:

— Ну что ж, теперь все ясно. Чтобы опровергнуть себя самого, мне придется выступить в роли Ватсона. Валяй, рассказывай, как было дело.

— Для начала, — предложил Мартин, — давай закажем еще крабов и пива. Было бы чистым идиотизмом съесть всего по одному салату из крабов в одном из тех немногих мест в мире, где крабов подают целиком, а не по частям. Потом я начну рассказ, а продолжу его за ужином... ну, скажем, в «Фаворите». Как тебе такой план?

Я охотно согласился. От смешанного запаха рыбы, рыбацких шхун и соленой воды разыгрался такой аппетит, утолить который не так-то просто. Но не меньший аппетит пробудила и беглая оглядка Мартина на роль доктора Ватсона, каковую ему якобы пришлось сыграть. Вспомнились еще кое-какие подробности дела Шеделя. Приблизительно в то же время в Беркли произошло еще одно убийство — или даже два? Если не ошибаюсь, оба были объединены в одно дело, но расследование ничего не дало.

Семеро
с Голгофы

Принесли салат и пиво. Мартин сделал большой глоток, извлек из соуса крупную клешню краба и углубился в разглядывание зубцов вилки.

— Не знаю, с чего лучше начать, — проговорил он. — Наверное, как изволил бы выразиться Эшвин, *fons et erigo*, с самого начала. Ты ведь, конечно, знаешь Эшвина?

— Как-то раз виделись. — А уж его переводов с санскрита кто ж не знает? «Панчатантра», драмы Калидаса, пикантные «Десять принцев», величественная «Бхагавадгита» — поистине ущербной следовало бы счесть любую в мире библиотеку, в фондах которой нет переводов Эшвина.

— Ну и хорошо, — продолжал Мартин. — И все же с чего начать? С того дня, когда Эшвин впервые в своей жизни прочитал детективный роман? В этом была бы своя логика. Или с того, когда доктор Шедель открыл для себя радости вечерней прогулки? Или когда я приступил к переводу Хосе Марии Фонсеки? Или — и это было бы, наверное, наиболее логично — с того момента, когда известный бизнесмен с восточного побережья Роберт Р. Вуд решил изменить вероисповедание?

— Довольно, Мартин, — взмолился я, — довольно меня мистифицировать, переходи к сути. Не забывай — ты же не сыщик, не Главный, ты доктор Ватсон.

Мартин сосредоточенно доел салат.

— Ладно, — кивнул он, — начну с самого себя в день убийства. Это позволит ничего не упустить. На сей счет ты можешь быть уверен, обещаю — все будет к месту, ничего лишнего. Образец честной

игры. — Мартин сделал еще глоток пива и протянул мне портсигар. И по мере того, как мы насыщали табачным дымом воздух, пропитанный запахом рыбы, он разворачивал историю убийства доктора Хьюго Шеделя, являющуюся одновременно историей из жизни доктора Джона Эшвина, ученого, поэта, переводчика и детектива.

1. Подготовка к убийству

«**А**tha naloṣpākhyānam. brhadaṣva uvāsa». «Здесь начинается сказание о Нале, говорит Брихадаваша», — почти автоматически перевел Мартин. Теплого весеннего воздуха, проникающего в аудиторию сквозь открытые окна, было вполне достаточно, чтобы отвлечь его внимание от «Махабхараты».

Доктор Эшвин тяжело поднялся из-за стола и, декламируя вступительную шлоку¹, начал вышагивать по кабинету. Звучный голос постепенно набирал высоту, что вполне соответствовало как внушительной фигуре чтеца, так и великолепию санскритского стиха.

Мартину искренне хотелось целиком сосредоточиться на переводе. Будучи единственным во всем университете слушателем, впервые приобщающимся в этом учебном году к санскриту, он должен был держать марку. И тем не менее мысли его настойчиво убегали в сторону. Днем предстояла репетиция. Удастся ли ему уговорить Дрексела, чтобы тот заставил Пола изменить интонацию предсмертного монолога? Где кончаются права

¹ Вступительная шлока — стихотворный размер на санскрите.

переводчика и начинаются права режиссера? А тут еще вечерний прием в честь доктора Шеделя. Какого черта он позволил включить себя в комиссию по приему гостей? У него и без того...

— Говоря это, король отпустил лебедя, — перевел он.

— Сказав это, — поправил его Эшвин.

Через полчаса Эшвин отложил текст и сел на место.

— Ну что ж, отлично, мистер Лэм, — резюмировал он. — Как вам первое знакомство со стихотворным эпосом на санскрите?

— Замечательно, — ничуть не кривя душой, откликнулся Мартин. — Удивительная мелодика.

— Во всей мировой литературе, — подхватил Эшвин, — есть только три стихотворных размера, которые даются мне в чтении без малейшего напряжения, — английский свободный стих, гекзаметр у греков и римлян и шлока. — Подобно всем высказываниям Эшвина *ex cathedra*, это прозвучало в высшей степени авторитетно и с полной уверенностью говорящего в своей правоте. И в том же стиле, без малейшей перехода, он осведомился: — Ну что, какие-нибудь интересные детективы вам в последнее время попадались?

Разносторонние интересы доктора Эшвина чаще всего приводили Мартина в некоторое смущение. С необыкновенной легкостью он мог перейти от жесткой критики Вергилия к экстравагантным восхвалениям Огдена Нэша, лучшего, по его мнению, поэта в нынешней американской литературе. Вот и сейчас внезапный скачок от версификационной метрики к де-